

Woman in Russian Society
2017. No. 4 (85). P. 48—59
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.5

Женщина в российском обществе
2017. № 4 (85). С. 48—59
ББК 60.545
DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.5

РОЛЬ ЖЕНЩИН В АДАПТАЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

И. Л. Бабич

Институт этнологии и антропологии, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, irina@babich1.net

На основе анализа полевых этнографических материалов, собранных автором во Франции (Париж, Лион и др.) в 2015—2016 гг., рассматривается роль женщин в адаптации северокавказской диаспоры в современной Франции. Описывается, как женщины осваивают французский язык и начинают работать в новой стране. Отмечается, что есть группа женщин, «вовлеченных» в ислам, которые ограничивают свое пребывание во Франции рамками семейного быта и практически не адаптируются к новой жизни. Изучаются проблемы женщины как гаранта сохранения северокавказской культуры в новой стране, традиционных родственных и семейных ценностей.

Автор показывает статус северокавказских женщин в общественной жизни Франции, место и функции женщин в бытовой и соционормативной культуре, в соблюдении свадебных и похоронных традиций. В эмиграции постепенно меняется традиционный статус женщин-горянок в семье и обществе. В ходе адаптивного процесса статус женщин повышается: они становятся самостоятельнее, оказываются более гибкими и мобильными, легче приспосабливаются к новым условиям жизни. В то же время «вовлечение» через мужей или братьев горянок в ислам во многом отдаляет их от европейского уклада: они чаще, чем это имеет место на родине, ограничивают свою жизнь пространством семьи.

Ключевые слова: северокавказские женщины, Франция, ислам, традиционная культура, семья, общественная жизнь, пища, свадьба, похороны.

© Бабич И. Л., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 15-18-00099 «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт» (рук. Е. И. Филиппова).

THE ROLE OF WOMEN IN THE ADAPTATION OF THE NORTH CAUCASIAN DIASPORA IN MODERN FRANCE

I. L. Babich

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, irina@babich1.net

The aim of this article is to study the role of women in the adaptation of the North Caucasian diaspora in modern France. The author collected field ethnographic materials in France (Paris and several other cities, Lyon) during 2015—2016. This article describes learning the French language by Caucasian women and job search in a new country. The author notes that there is a group of women, whose devotion to Islam creates restrictions and limitations in their life. It hinders their adaptation to the French way of life. The author describes the role of women as protectors of the North Caucasian culture in France, shows the role of women in the preservation of traditional kinship and family values in France. The author shows the status of women in the social life in France, the place and function of women in the traditional culture, as well as during wedding and funeral traditions in France. In France the traditional status of women-“goryanok” in the family and society is gradually changing. There are several reasons for that: women become more independent, are more flexible and mobile, find it easier to adapt to new living conditions.

Key words: North Caucasian women, France, Islam, traditional culture, family, social life, food, weddings, funerals.

Введение

1990-е гг. вызвали сильный поток народов Кавказа в Европу, что было обусловлено как политическими причинами (война в Чечне), так и социально-экономическими (кризис в России и в государствах Закавказья). В настоящее время северокавказская диаспора проживает во многих европейских странах: Франции, Германии, Польше и др. Достаточно трудно определить численность северокавказских эмигрантов во Франции, что связано со многими причинами. Прежде всего, в европейских органах северокавказские эмигранты регистрируются как российские граждане и поэтому их отдельно в иммиграционной статистике не выделяют. Часто северокавказские переселенцы (кабардинцы, осетины, ингуши) стремятся выдать себя за чеченцев, чтобы облегчить получение статуса политического беженца. По данным Культурно-духовной ассоциации кавказцев Страсбурга, только в одном этом городе в настоящее время насчитывается около 10 тыс. чеченцев и ингушей (скорее всего, цифра завышенная). В настоящее время в Европе вообще и во Франции в частности чеченцы являются преобладающим большинством среди северокавказских эмигрантов.

Современная северокавказская диаспора включает в себя три группы мигрантов: молодые неженатые мужчины в возрасте от 25 до 35 лет; молодые семьи с маленькими детьми, реже — с подростками; вдовы — бывшие жены тех,

кто погиб в ходе чеченских войн. Безусловно, все эти три группы по-разному адаптируются к французской жизни¹.

Как известно, роль женщины в обществе и семье в традиционных культурах Северного Кавказа в течение многих веков была особенной. С одной стороны, женщина имела высокий статус в обществе, могла примирять враждующих, а с другой — в семье лишь старшие женщины были авторитетными, молодые замужние женщины практически не имели никаких прав. Безусловно, советские и постсоветские годы во многом изменили традиционные устои северокавказских обществ, тем не менее отдельные аспекты статуса женщин в обществе и семье сохраняются на Северном Кавказе до сих пор [Бабич, 1995].

На основе анализа собранных во Франции новых полевых этнографических материалов в предлагаемой статье мы рассмотрим роль северокавказских женщин — горянок, как их называли в СССР, — в формировании механизмов адаптации северокавказской диаспоры к жизни во Франции.

До настоящего времени практически все стороны адаптивных процессов северокавказцев в европейских странах, в том числе и во Франции, не были объектом и предметом научных исследований. Нам известны лишь несколько работ, в которых рассматриваются вопросы преимущественно политико-криминального характера жизни северокавказской диаспоры в Европе. Например, французский исследователь Л. Винатье в 2008 г. в Институте политических исследований (Париж) защитил диссертацию на тему «Война в Чечне, изгнание и диаспора (1997—2007 гг.)». Данная работа, посвященная изучению положения чеченцев в большинстве европейских стран, главным образом затрагивала политические проблемы как самой Чечни, так и чеченских беженцев в Европе. В 2013 г. он опубликовал результаты своих исследований в монографии [Vinatier, 2013]. В 2006 г. вышла статья бельгийского исследователя, комиссара Федеральной полиции Бельгии Ф. Фарси о чеченской организованной преступности как новой угрозе Европе [Farcy, 2006]. Наконец, упомянем интересные работы чешского специалиста А. Шчепаниковой, которая занимается проблемами чеченских беженцев-женщин в Европе в гендерном контексте [Szczepanikova, 2014, 2015].

Как нам представляется, российские и французские антропологи не уделяли должного внимания данной теме в связи с трудностью сбора первичных полевых этнографических материалов: во-первых, те северокавказцы, преимущественно чеченцы, которые проживают без разрешающих французских документов, не готовы беседовать с этнографами; во-вторых, те, кто не в ладах с французскими законами, тоже стараются избегать контактов с учеными; в-третьих, свойственные части северокавказских эмигрантов антироссийские настроения не способствуют установлению с ними тесных контактов. В ходе работы мы столкнулись с такими проблемами и получали отказы в интервью от представителей северокавказской диаспоры, в большинстве своем чеченцев. Имея многолетний опыт антропологической деятельности среди народов Северного Кавказа, можно отметить, что проведение полевой этнографической работы

---

¹ См. полевые этнографические материалы, собранные нами во Франции в 2015—2016 гг. Хранятся в личном архиве автора. Далее ссылки на эти материалы приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием букв ПЭМ.

среди северокавказцев во Франции значительно сложнее, чем у них на родине. Между тем происходящие во Франции процессы, безусловно, требуют внимания антропологов. Мы проводили полевые исследования в 2015—2016 гг. Было опрошено около 40 человек — кабардинцев, балкарцев, осетин, чеченцев, ингушей. Условие данных нам интервью — анонимность, поэтому имена респондентов в статье изменены. Возраст — от 15 до 45 лет. Как правило, все мигранты занимают невысокий социальный статус во французском обществе. Исследования проводились как в столице, так и в некоторых провинциальных городах Франции.

Европейские идеологи мультикультурализма, руководство европейских стран убеждены, что северокавказские мигранты, наряду с мигрантами из других стран, постепенно воспримут европейские ценности и европейские культуры. Однако в реальности этого не происходит: попытки северокавказских мигрантов быстро включиться в европейскую жизнь чаще всего оканчиваются неудачно. В результате возникают новые механизмы в процессе адаптации.

Женщины, французский язык, трудоустройство

Одним из главных компонентов адаптации мигранта к жизни в другой стране является освоение им государственного языка. У большинства северокавказских мигрантов существует установка на изучение французского языка. Как рассказывала кабардинка Б., получившая в России высшее образование, она сразу поняла, что язык можно быстрее выучить, если иметь работу. Она постаралась ее получить и выучила язык в совершенстве. Она говорит: «Для меня знание языка — получение ощущения комфортности», т. е. сами северокавказцы хорошо понимают ценность знания французского языка.

Многие женщины-горянки во Франции успешно работают. У чеченки Ж. своя фирма по производству сувенирной продукции. Кабардинка Ф. работает в бюро по трудоустройству населения. Когда приехала во Францию, не знала французского языка, теперь хорошо говорит на нем. Чеченка Л. — вдова, эмигрировала с тремя детьми, работает с самого начала жизни в стране. Многие женщины с Северного Кавказа стремятся иметь во Франции частный бизнес, например содержат рестораны (так, абхазка Д. Д. владеет турецким рестораном уже 17 лет) (ПЭМ). Знание французского языка позволило им сделать хорошую карьеру в Европе, во Франции в частности. Ингушка Н. получила докторскую степень за диссертацию в области филологии. Многие ингушки имеют престижные работы: З. Бокова — окулист, Х. Евлоева — сотрудник в отделе городского образования, М. Саграфена — депутат парламента региона Лоррен, Л. Цечоева — шеф-повар в Каннах.

Если северокавказская женщина приезжает во Францию с маленькими детьми, то она вынуждена активнее включаться в новую жизнь. Дети начинают посещать французскую школу, часто быстрее взрослых обучаются французскому языку, и женщины стараются быть с детьми на одном уровне. Они подчас быстрее, чем мужчины, могут найти работу. Если эмигрировала вдова с детьми, то ее роль в процессе адаптации к новым условиям жизни повышается. Обычно если женщина на Северном Кавказе остается одна с детьми, то ей помогают все родственники — близкие и дальние. Более того, родственники стремятся выдать

ее замуж вторично: во многом сказываются отголоски прежних традиций, когда на вдове женился брат умершего мужа. Во Франции складывается другая ситуация: ее не окружают многочисленные родственники, многое ей нужно делать самой. Важно подчеркнуть, что во Франции женщина — вдова или разведенная — может чувствовать себя иначе, чем на Северном Кавказе. Особенность европейской свободы, основы французской жизни, позволяет одинокой женщине чувствовать себя достаточно комфортно и безопасно. На Северном Кавказе такое было бы невозможно (ПЭМ).

Однако есть северокавказцы, которые не работают и не учатся: они плохо знают французский язык. Это обычно группа молодых мужчин, которые становятся практикующими мусульманами. Вся их жизнь проходит в мечети, в мусульманской среде. Акцент на ислам ограничивает северокавказских мужчин в их адаптации к французскому обществу. К этой группе иногда примыкают и чеченские женщины. Надо отметить, что в эмиграции чеченки, по сути, не могут воспроизводить стереотипы поведения, по которым они живут у себя на родине. Женщины в Чечне, в отличие от северокавказок из других регионов Северного Кавказа, часто не работают, полностью поглощены семейными проблемами. Они живут в окружении многочисленных родственников своего тейпа. Как правило, они имеют домашнее, подсобное хозяйство, уход за которым требует много времени. Это — содержание их жизни. Но во Франции так жить нельзя: там немного родственников, семейных забот в эмиграции значительно меньше, нет подсобного хозяйства. Между тем работать чеченские женщины по традиции часто не хотят и во Франции. И среди молодых чеченок есть такие, которые, выйдя замуж, предпочитают не работать. Например, Д., родная сестра Ж., — живет в Париже, не работает (и не хочет), практически все время находится дома, смотрит различные сайты, читает Коран, пребывает в депрессии. Содержание жизни таких молодых женщин очень скудное, но подобная ситуация скорее исключение, чем правило (ПЭМ)².

Женщины как гарант сохранения северокавказской культуры

Жизнь во Франции отличается от жизни на Северном Кавказе практически всем: инфраструктурой, местом семьи в системе ценностей, осознанием собственной роли и места в жизни общины, страны. Северокавказские эмигранты видят существенную разницу между своей культурой, образом жизни, основами морали и французскими ценностями. Так, раскрепощенность французов входит в противоречие с горским понятием стыда (например, емыклу (кабард.)). Семьи северокавказских эмигрантов, где родители строго воспитывают своих детей, видят эту разницу. Дети удивляются, когда их французские подруги и друзья резко разговаривают со своими родителями, особенно отцами (ПЭМ).

Северокавказскому этикету присущи такие положительные моменты, как сдержанность, культ выдержки, уважение к старшим, гостеприимство, чувство локтя. Отношения внутри семьи несколько дистантны: имеет место институт

---

² См. также рукопись А. Шлейниковой «Les particularités de la société traditionnelle tchétchène. Identité tchétchène» (Nanter, 2008). Хранится в личном архиве автора статьи. Далее ссылки на эту работу приводятся в тексте в круглых скобках с указанием букв АШ.

избегания, в немалом количестве семей в Чечне и сегодня женщины и мужчины едят отдельно. Во Франции северокавказки, сталкиваясь с раскрепощенностью французов, чувствуют себя неловко.

Во французском обществе нет свойственных северокавказскому менталитету традиций почитания старших и особого уважения родителей. У французов отсутствует дихотомия «старший — младший». Северокавказские эмигранты вначале своего проживания во Франции уступают место старшим в транспорте, но потом начинают видеть, что делать этого не надо: люди обижаются, воспринимают как унижение (ПЭМ).

Эмигранты отмечают, что лишь часть французов любят семью и ценят родственные связи. У многих французов совсем нет тяги к родственникам: родные братья и сестры могут годами не видеться. Во французских семьях мало детей. Многие вообще живут без детей и не хотят их иметь. Для северокавказского менталитета это кажется странным, поскольку для народов Северного Кавказа родственные и семейные ценности очень значимы. Эта ценность для них сохраняется и в эмиграции. Отметим также, что и в эмиграции северокавказцы очень ценят свои родственные связи. Поскольку часто эмигрируют несколько родственных семей (особенно это характерно для чеченцев), то они стараются оказаться в одном городе, чтобы тесно общаться, что и происходит в реальности. Именно северокавказские женщины твердо стоят за сохранение традиционных родственных и семейных ценностей. Дети, выросшие на Западе и приезжающие потом на Северный Кавказ, видят разницу в отношении к родственникам на родине своих предков и во Франции (ПЭМ).

Роль северокавказских женщин в общественной жизни во Франции

Во Франции северокавказские женщины чувствуют себя относительно независимо от влияния северокавказских мужчин. В эмиграции они подчас пытаются менять традиционные статусы мужчин и женщин не только в семье, но и в обществе. Это проявляется в том, что женщины часто становятся руководителями национальных общественных движений, которые существуют во Франции. Мужчины руководят только чеченскими организациями, другие часто возглавляют женщины. Например, Парижской Осетинской ассоциацией руководит осетинка Л. Д., вице-президентом Лионской Адыго-Абхазской ассоциации долгое время была абхазка Ф. Однако, по словам последней, она все же чувствовала давление на нее со стороны мужчин, их более высокого традиционного статуса в обществе. Вот как она рассказывает о своей общественной жизни: «Я постоянно говорила другим северокавказцам о необходимости быть толерантными к французам, но они меня плохо слушали, потому что я женщина. Я была четыре года вице-президентом Адыго-Абхазской ассоциации в Лионе, но меня не хотели видеть президентом, так как я — женщина и мужчины боялись моей активности. Я — очень открытая и активная» (ПЭМ).

Роль женщин в адаптации к французской культуре и обществу

При анализе формирования северокавказской среды во Франции подчеркнем, что в целом северокавказской среды как таковой нет: во-первых, она делится на несколько сегментов и, во-вторых, отчасти заменяется на исламскую

(и в противовес ей на среду этнических мусульман). В настоящее время в диаспоре происходит разделение на практикующих мусульман (независимо от этнической принадлежности) и этнических (всех остальных северокавказцев) [Бабич, 2003]. Например, во Франции в большой адыгской семье в количестве 30—40 человек один молодой человек стал практикующим мусульманином; он практически перестал общаться со своими этническими родственниками, а присоединился к мусульманскому кругу общения, где много чеченцев. Как нам представляется, роль женщин в исламских семьях и в семьях этнических (традиционных) мусульман — различна. Исламизация чеченцев-мигрантов во многом отделяет их от остальных северокавказцев, которые не так близки к исламу; скажем, чеченцы, принимая ислам, совсем перестают употреблять алкоголь, тогда как остальные северокавказцы немного, но выпивают (ПЭМ).

Бытовая культура

Во Франции северокавказки не носят ни национальной, ни исламской одежды, а пользуются обычной, европейской. Девушки и женщины, будучи практикующими мусульманками, не всегда носят платки или хиджабы.

Важным атрибутом сохранения своей культуры в эмиграции является пища. Чаще всего мигранты с Северного Кавказа во многом сохраняют приверженность к своей национальной кухне; дома женщины, обычно по выходным и в праздники, готовят блюда, знакомые с детства. Между тем если мужчина-северокавказец женится на француженке, то ему приходится довольствоваться европейской кухней: жена не станет осваивать северокавказскую кухню. На Курбан-байрам адыгские женщины готовят национальный суп — ашрык (кабард.), для которого требуется 7 злаков (зерна белой кукурузы, два вида фасоли, перловая крупа, пшеница шлифованная, рис, пшено), вяленое мясо, сохранившееся с прошлого Курбан-байрама; разносят мясо среди всех северокавказских мусульман (раньше сырое, в настоящее время — чаще приготовленное). Большим разнообразием национальных блюд отличаются чеченские свадьбы (у других северокавказских мигрантов на свадьбах большинство блюд — европейские) (ПЭМ; АШ).

Нормы жизни в социальной и личной областях

Мигранты с Северного Кавказа, как, впрочем, и все остальные мигранты, во Франции живут в государственных квартирах, предоставляемых им французскими властями в качестве социальной помощи (так называемый ашелем). Интерьер квартир ничем не отличается от того, что мы не раз видели на Северном Кавказе, но значительно реже встречаются ковры, чрезвычайно популярные на родине горцев. Мы наблюдаем, с одной стороны, что северокавказские женщины как хранительницы очага во Франции в меньшей степени уделяют внимание обустройству квартир (что характерно в целом для французского общества), а с другой стороны, они стремятся, если появляется такая возможность, приобрести свой дом и землю. Женщин и во Франции тянет к земле, они хотят, как и на Северном Кавказе, заниматься подсобным хозяйством.

Ключевым фактором, несущим в себе этноохранную функцию в эмиграции, является бытование национального языка и некоторых элементов этнических стереотипов поведения. Безусловно, в эмиграции северокавказцы стремятся воспроизводить свои традиции.

Личная жизнь горянки с Северного Кавказа определяется прежде всего тем, работает она или проводит время дома. Если женщина работает, то ее жизнь дома скорее наполнена этническим, нежели исламским компонентом: времени на пятиразовый намаз дома у нее просто нет. Женщины активно осваивают Интернет, слушают и смотрят как европейскую, так и северокавказскую и российскую музыку и фильмы. У мигрантов, как правило, дома много дисков с национальной и национально-эстрадной музыкой (например, у адыгов — это диски известного исполнителя Ч. Нахушева). Если же женщина много времени проводит дома, то ее жизнь в большей степени заполнена исламом: это и совершение намаза, и исламские сайты и т. д.

Чрезвычайно важной частью воспроизводства этнической культуры, северокавказских традиций во Франции являются танцы. (Танцевальная культура до сих пор ключевая область жизни горцев и на родине: ни один праздник не обходится без национальных танцев. На Северном Кавказе функционируют многочисленные профессиональные и любительские танцевальные коллективы, которые участвуют в разных фестивалях.) При отмечании различных праздников во Франции северокавказцы всегда устраивают танцы. Например, чеченцы празднуют так называемый позитив (получение позитивного решения о предоставлении статуса политического беженца). Во время таких мероприятий танцуют все: молодые девушки и юноши, мужчины и женщины. Девушки и женщины одеты открыто: их плечи могут быть и обнаженными, у женщин в возрасте — повязки на волосах (АШ). Как правило, в различных национальных центрах Европы функционируют танцевальные кружки, где дети обучаются танцам. Это важная часть воспитания подрастающего поколения — детей северокавказских мигрантов. На свадьбах, на различных праздниках во Франции всегда устраиваются национальные танцы, и не уметь танцевать — стыдно.

Многие традиции соционормативной культуры, которые живы до сих пор и на Северном Кавказе (хотя в достаточно модернизированных формах), бытуют и во Франции. Мы могли наблюдать, скажем, традиции гостеприимства и взаимопомощи. Как и на Северном Кавказе, для проведения сложных работ (строительство дома) или при переезде семьи на другое место жительства созываются родственники и знакомые. Как правило, для этих работ приглашаются близкие родственники, но известны случаи, когда совершенно незнакомые горянки помогали другим, находящимся в трудной жизненной ситуации. Так, чеченка А. поселила в своей маленькой комнате двух незнакомых чеченок, которым негде было жить (ПЭМ; АШ).

Иногда в эмиграции горянки вспоминают о традициях, которые не всегда функционируют и на Северном Кавказе, например связанных с воспитанием детей. В частности, у адыгов воспроизводится традиция определения будущей профессии ребенка по тому, какой предмет он выберет. Для этого перед ребенком 4—5 лет выкладываются различные предметы. Адыги верят, что первый предмет, который он выберет, и будет связан с его профессией.

До сих пор на Северном Кавказе бытует фундаментальная традиция отношения к старшим в обществе и семье: уважение старших по возрасту и по должности, уважение женщин независимо от возраста. Все это воспроизводится и во Франции. Уважение к старшим проявляется и во время танцевальных

вечеров, которые часто проводятся в общежитиях северокавказских беженцев. Как свидетельствуют полевые этнографические материалы, если в зале, где проводятся танцы, появляются пожилые горянки, молодежь встает (ПЭМ; АШ).

В 1990—2000-х гг. на Северном Кавказе повсеместно стали совершать мусульманский обряд венчания — неках. Северокавказские мусульмане во Франции редко оформляют свой брак в мэрии, они предпочитают неках. Как правило, они сами посещают дом муллы, реже он приходит в дом к жениху или невесте, еще реже неках совершается по телефону. Во Франции, как и на Северном Кавказе, за невесту платится калым: за девушку — 500 евро, за женщину — 100 евро.

В эмиграции мало представителей старшего поколения северокавказцев: родственники жениха и невесты по-прежнему живут на Северном Кавказе. В ходе совершения брачных ритуалов родственники жениха приезжают к родственникам невесты и просят ее руки. Получение данного согласия — необходимая часть брака и в эмиграции. Таким образом, во Франции воспроизводится заключение брака путем сватовства — наиболее распространенная форма на Северном Кавказе. Другая форма заключения брака, до сих пор распространенная на родине, — путем похищения невесты — в эмиграции нами не встречалась.

Разумеется, на свадьбах во Франции лишь отчасти воспроизводятся собственные народам Северного Кавказа брачные традиции. Для проведения свадеб, как правило, арендуется большой зал. Свадьбы для северокавказских мигрантов, особенно для чеченцев, одно из важных мероприятий их жизни во Франции, поэтому на них приглашается значительное количество гостей со всей Франции, а иногда и Европы — от 300 до 500 человек. Блюда для свадебного стола готовят сами горянки, и в этом главным образом и проявляются национальные традиции.

У чеченцев-мигрантов чаще бывают традиционные застолья, в том числе и свадьбы, в северокавказском духе. Они называют такие празднества «ловзар». Чеченцы, как рассказывали нам многие информаторы-северокавказки, лучше других народов Северного Кавказа сохраняют в эмиграции свои традиции. Другие мигранты редко посещают чеченские свадьбы.

У чеченцев и в эмиграции сохраняется традиция ввода невесты в дом (растилают бараньи шкуры, жених обращается к старшим из семьи невесты, просит его простить, что забирает невесту, жених и невеста убегают понарошку и т. д.). Во время всей свадьбы невеста вместе со своей подругой находятся в углу зала. Жениха на свадьбе нет.

На чеченских свадьбах и в эмиграции устраиваются отдельные столы для мужчин и женщин (у других северокавказских народов эта традиция в прошлом), за каждым столом — свой тамада (у других северокавказцев — один тамада для всех столов), сохраняется роль «танцевального тамады», который с помощью палочки выбирает тех, кто будет танцевать следующий танец.

Чеченки, объединяясь в несколько групп, готовят национальные блюда: жижиг-галнаш, плов, лепешки с творогом, сыром, мясом и др. Готовят также салат оливье, манты, сладкое угощение — халву, сладкий рис. Приготавливаются и весьма сложные блюда: курзе (своего рода равиоли), галушки (макаронные изделия, изготовленные вручную). Если свадьба большая и количество гостей значительно, то приглашаются чеченские артисты из Чечни или из другого города Европы (например, в Страсбурге есть известный ансамбль чеченских музыкантов) (АШ).

Похоронные традиции северокавказцев во Франции практически не имеют места, и нам не довелось их наблюдать, поскольку в настоящее время, если кто-то из северокавказцев умирает в эмиграции, родственники и представители всех северокавказских народов собирают средства на отправку тела на родину. Как правило, хоронят не в эмиграции, а на родине. Наши информаторы, проживающие во Франции более 10 лет, ни разу не были на мусульманских похоронах, в мечети, между тем не раз поддерживали традицию взаимопомощи, когда собирались средства для отправления тела на родину. Если все же похороны состоялись во Франции и проводятся поминки (а иногда бывает так, что человека хоронят на родине, а поминки проходят в эмиграции), то на них приходят все северокавказцы, независимо от этнической принадлежности: к адыгам приходят чеченцы и др. В эмиграции северокавказцы делают поминки на 40 дней, полгода, год), для чего кабардинки, например, готовят ритуальное блюдо — лакумы (кабард.). Их разносят в дома 7 семей — северокавказских мигрантов. Когда мусульманин ест такой лакум, то читает молитву за покойного (тхайту (чечен.)). Французам, даже соседям, лакумы не раздаются: они неправильно поймут и, разумеется, не смогут произнести молитву (ПЭМ).

Исламские ценности и женщина

Воспроизводство особенностей религиозной жизни, свойственной Северному Кавказу, во Франции сопровождается появлением новых тенденций: во-первых, некоторые этнические мусульмане переходят в разряд практикующих, а во-вторых, другая их часть еще реже обращается к исламу, чем это имело место на родине. Этот процесс во многом затронул и женщин-горянок. Считая себя этническими мусульманками, они, живя во Франции многие годы, вообще не посещают мечети. Основные исламские праздники соблюдают редко; далеко не каждый год на Курбан-байрам режут барашка и т. д. Это объясняется комплексом причин: во Франции трудно достать живого барана, резать его можно только в определенных местах, и наконец, и это главное, во Франции отсутствует «воздействие общества, общественное мнение». Многие женщины признавались, что на родине благодаря общественному мнению они, не задумываясь, точно соблюдали бы исламские традиции и обязательно бы резали барашка, поскольку «там так делают все. Если какая-либо семья этого не сделает, окружающие ее осудят. На Северном Кавказе все должны все делать одинаково». Во Франции, по сути, отсутствует «северокавказское общественное мнение», нет исламского влияния северокавказского общества на жизнь отдельной семьи мигранта — в этой стране он может не резать барашка и «никто ему ничего не скажет». Такие мигрантки достаточно доброжелательно относятся к религиям Франции, сами могут зайти в костел и поставить там свечку, когда в их семье решается что-то важное. Например, в одной адыгской семье девочка-подросток прочла Библию и Коран и ей больше понравилась Библия, после чего она со своими друзьями-французами сходила на праздничную мессу в католической костел. Родители детей, родившихся и выросших во Франции в семьях этнических мусульман, как правило, рассказывают им о северокавказских традициях и о религии предков. Но для них, особенно для девочек, непонятным остается положение исламской женщины в семье и обществе на Северном Кавказе:

им кажется, что женщина в исламе не имеет свободы. Тогда как для девушек, выросших в европейской стране, ближе свобода в ее западном понимании (ПЭМ).

Во Франции часть северокавказских мусульман (и не только чеченцев) стремятся из этнических мусульман «перелиться» в настоящее мусульманское общество. Цели данного стремления могут быть самыми различными. Опишем судьбу одной балкарской семьи, переехавшей во Францию около 15 лет назад вместе с детьми. Старшее поколение этой семьи — в возрасте 35—40 лет. Женщина-балкарка у себя на Родине принадлежала к категории этнических мусульман, однако во Франции она стала практикующей мусульманкой. Причиной изменения отношения к исламу стало желание приобрести среду, общество. Балкарцев во Франции крайне мало, по сути, балкарской среды в этой стране нет. Не имея балкарской среды во Франции, она активно стала стремиться в мусульманскую. Иногда процесс перехода из этнических мусульман в практикующие бывает быстрым: женщины приезжают в эмиграцию и, еще живя в общежитии для эмигрантов и ожидая разрешающих прожить во Франции документов (а иногда для этого требуются годы), начинают, по выражению самих северокавказцев, «кутаться». Среди чеченок-эмигранток есть и такие, которые, являясь мусульманками, долгие годы в Париже ходили без платков. Например, чеченка Ж., хорошо адаптированная к французской жизни и создавшая свою фирму по производству сувениров, будучи мусульманкой, не один год появлялась в общественных местах без платка на голове. Несколько лет назад она вышла замуж за чеченца-эмигранта (из Нидерландов). Пара совершила исламский обряд венчания — неках. Ж. по просьбе мужа начала носить платок. Чеченка М., уже живя в Париже, долгое время ходила в коротких юбках, без платка, употребляла вино. Однако впоследствии она изменила свой внешний вид и поведение согласно нормам ислама: перестала пить вино, стала носить длинные юбки.

Внешний вид северокавказских эмигранток не связан жестко с их исламской ориентацией. Например, на танцевальных вечерах, которые чеченская молодежь часто устраивает в общежитиях, с точки зрения исламских догматов одежда молодых чеченок достаточно открытая (ПЭМ; АШ).

Заключение

Итак, рассмотрев особенности механизма адаптации северокавказской диаспоры в современной Франции, мы пришли к заключению, что в эмиграции постепенно меняется традиционный статус женщин-горянок в семье и обществе. В ходе адаптивного процесса статус женщин повышается: они становятся самостоятельнее, оказываются более гибкими и мобильными, легче приспосабливаются к новым условиям жизни. В то же время «вовлечение» горянок через мужей или братьев в ислам во многом отдаляет их от европейского пространства: они чаще, чем это имеет место на родине, ограничивают свою жизнь рамками семейного быта.

Библиографический список

- Бабич И. Л. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М.: [б. и.], 1995. 129 с.
- Бабич И. Л. Современное исламское движение в Кабардино-Балкарии // Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 67—121.
- Farcy F. Le crime organisé tchétchène, nouvelle menace pour l'Europe. 2006. URL: <http://www.drmcc.org/spip.php?article196> (дата обращения: 12.06.2016).
- Szczepanikova A. Chechen refugees in Europe: how three generations of women settle in exile // *Chechnya at War and Beyond*. Routledge / ed. by A. le Huérou, A. Merlin, A. Regamey, E. Sieca-Kozłowski. London: Routledge, 2014. P. 256—273.
- Szczepanikova A. Chechen women in war and exile: changing gender roles in the context of violence // *Nationalities Papers: the Journal Nationalism and Ethnicity*. 2015. Vol. 32. P. 753—770.
- Vinatier L. Tchétchènes: une diaspora en guerre. Paris: Pétra, 2013. 292 p.

References

- Babich, I. L. (1995) *Narodnye traditsii v obshchestvennom bytu kabardintsev* [Folk traditions in the social life of kabardians], Moscow.
- Babich, I. L. (2003) *Sovremennoe islamskoe dvizhenie v Kabardino-Balkarii* [Modern Islamic movement in Kabardino-Balkaria], in: *Islamskoe vozrozhdenie v sovremennoy Kavardino-Balkarii*, Moscow: Institut étnologii i antropologii Rossiiskoy akademii nauk, pp. 67—121.
- Farcy, F. (2006) *Le crime organisé tchétchène, nouvelle menace pour l'Europe*, available from <http://www.drmcc.org/spip.php?article196> (accessed 12.06.2016).
- Szczepanikova, A. (2014) Chechen refugees in Europe: how three generations of women settle in exile, in: le Huérou, A., Merlin, A., Regamey, A., Sieca-Kozłowski, E. (eds), *Chechnya at War and Beyond*, London: Routledge, pp. 256—273.
- Szczepanikova, A. (2015) Chechen women in war and exile: changing gender roles in the context of violence, *Nationalities Papers: The Journal Nationalism and Ethnicity*, vol. 32, pp. 753—770.
- Vinatier, L. (2013) *Tchétchènes: une diaspora en guerre*, Paris: Pétra.

Статья поступила 05.05.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Бабич Ирина Леонидовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, irina@babich1.net (Dr. Sc. (History), Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).